

DOI: 10.25178/nit.2023.4.18

Статья

Специфика адаптационных практик этнических групп Республики Тыва

Галина Ф. Балакина

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Российская Федерация

На базе данных организованного автором социологического опроса населения Тувы в июне — июле 2023 г. (опрошены жители городов и кожуунов — 421 человек), определены особенности адаптационных практик, специфика процессов адаптации этнорегиональных групп Республики Тыва: тувинцев и русских. Цель статьи — выявление и классификация особенностей практик адаптации жителей Тувы, определение специфики этнорегиональных моделей встраивания в процессы трансформации в современном обществе. Осуществлена классификация десяти выявленных практик (моделей) адаптации на базе предложенного экспертами перечня адаптационных стратегий, опубликованного ранее. Практики дифференцированы по глубине и скорости встраивания в трансформационные процессы, на активные, мобилизующие и пассивные практики. Исследовано соотношение адаптационных практик населения с уровнем доходов. Выявлено, что существует значительный кредит доверия действиям правительства России и Тувы при наличии проблем в социальном самочувствии населения. Исследование особенностей адаптационных практик позволило выявить характерные черты реагирования этнических групп на специфику трансформационных процессов в Туве: более высокая значимость повышения образования и квалификации, применения социальных новаций у тувинцев; смена места работы и повышенные миграционные настроения у русских. Достаточно высока доля последователей пассивных практик. При этом среди тувинцев удельный вес «выжидających» выше, чем среди русских.

Ключевые слова: адаптация; этническая группа; анкетирование населения; Республика Тыва; адаптационная практика; тувинцы; русские

Статья подготовлена в рамках исследования по проекту Российского научного фонда № 23-28-10009 «Социально успешные и неуспешные адаптационные практики этнорегиональных общностей в условиях масштабных инновационных изменений (на примере Республики Тыва)», <https://rscf.ru/project/23-28-10009/>.

Для цитирования:

Балакина Г. Ф. Специфика адаптационных практик этнических групп Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 255-273. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.18>

Балакина Галина Федоровна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН. Адрес: 667007, Россия, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117А. Эл. адрес: balakina.gal@yandex.ru

BALAKINA, Galina Fedorovna, Doctor of Economics, Chief Research Fellow, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 117A Internatsionalnaya St., 667007 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: balakina.gal@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-2387-7190

Specific features of adaptation practices of ethnic groups in the Republic of Tuva

Galina F. Balakina

Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, RAS, Russian Federation

Based on the data of the sociological survey of the population of Tuva conducted by the author in June and July 2023 (421 dwellers of towns and kozhuuns were interviewed), the article highlights the features of adaptation practices and the specifics of the adaptation processes of the ethnoregional groups in the Republic of Tuva (Tuvans and Russians). The purpose of the article is to identify and classify the peculiarities of adaptation practices of people living in Tuva, as well as to determine the distinctive features of ethnoregional models of integration into the processes of transformation in modern society. The author presents a classification of ten identified adaptation practices (models) on the basis of a list of adaptation strategies proposed by experts and published earlier. The practices are differentiated by the depth and speed of their integration into transformational processes (active, mobilizing and passive ones). The correlation of adaptation practices of the population with their income levels was studied. It has been found out that there is a significant credibility in the actions of the governments of Russia and Tuva although there are problems in the social well-being of the population. The study of the peculiarities of adaptation practices has highlighted the characteristic features of the responses of ethnic groups to the specifics of transformation processes in Tuva: the higher significance of enhancing education and qualifications, the application of social innovations among the Tuvans; job changes and higher levels of migration intentions among the Russians. The number of followers of passive practices is quite high. At the same time, the proportion of the “anticipating people” among the Tuvans is higher than among the Russians.

Keywords: adaptation; ethnic group; population survey; Republic of Tuva; adaptation practice; Tuvans; Russians

Financing

The article was prepared as part of the research project of the Russian Science Foundation No. 23-28-10009 “Socially Successful and Unsuccessful Adaptation Practices of Ethno-regional Communities in the Context of Large-scale Innovative Changes (On the Example of the Republic of Tuva)”, <https://rscf.ru/en/project/23-28-10009/>.

For citation:

Balakina G. F. Spetsifika adaptatsionnykh praktik etnicheskikh grupp Respubliki Tyva [Specific features of adaptation practices of ethnic groups in the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 255-273. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.18>

Введение

Различия показателей региональных социально-экономических процессов, социально-бытовых условий и менталитета представителей этнических общностей детерминируют дифференциацию возможностей и скорости их приспособления к современным экономическим и социально-политическим трансформациям. К современным трансформационным процессам, определяющим необходимость адаптации населения Тувы, с нашей точки зрения, относятся: изменения в отраслевой структуре производства (рост объемов добычи полезных ископаемых, объемов строительства жилья, совершенствование инфраструктуры), изменения на рынке труда, расширение сферы социальных трансфертов, ускорение компьютеризации, цифровизации экономики и социальной сферы, быта. Под региональной общностью мы понимаем социальные группы, объединяющие различные совокупности людей, для которых характерны лишь некоторые одинаковые, схожие характеристики возраста, территории проживания, этнической принадлежности. Этническая группа есть совокупность

жителей региона, объединенных этнической принадлежностью, схожестью менталитета, особенностей реагирования на изменение условий жизни. Поэтому изучение адаптационных практик в условиях современных трансформаций является актуальным и привлекает исследователей социальных процессов и тенденций развития российского общества. Объектом исследования являются адаптационные процессы, приспособление населения к реалиям социально-экономических процессов. Предмет исследования — практики адаптации, особенности изменения экономического и социального поведения представителей этнических групп Республики Тыва (тувинцев и русских).

Цель статьи — выявление и классификация особенностей практик адаптации этнических групп Республики Тыва на основе опроса их представителей, а также исследование их взаимосвязи с трансформациями в современном обществе, определение специфики этнорегиональных моделей встраивания в инновационные процессы, сравнительный анализ адаптационных практик групп населения республики в зависимости от этнической принадлежности. Соответственно, основными задачами анализа стали:

1. изучение этнорегиональной специфики практик жителей Тувы, особенностей оценки социально-экономической ситуации в регионе этническими группами;
2. выявление взаимосвязи особенностей практик адаптации и уровня доходов представителей этнических групп;
3. определение набора адаптационных практик этнических групп и их характеристик;
4. исследование миграционного потенциала этнических групп.

Под адаптационной практикой этнической группы нами понимается реализация формы активной деятельности объединения людей, в котором ее представители усваивают социальные новации, модифицируют принципы, способы реагирования и нормы поведения как вид приспособления к трансформирующейся реальности, различающиеся по ряду этнокультурных и этносоциальных характеристик. Материалы нашего лонгитюдного исследования отношения жителей Тувы к особенностям динамики социально-экономических процессов (вовлечения в экономический оборот природных ресурсов, реализация программы социальной помощи семьям с детьми, стимулирование рождаемости, кризисные спады в экономике, колебания цен, рост уровня доходов, ситуации на рынке труда, динамика бедности, совершенствование условий занятия предпринимательством и др.) отчетливо показывают существование специфики реагирования, приспособления представителей основных этнических групп в регионе — тувинцев и русских (Балакина, Анайбан, 1995; Балакина, Кылгыдай, 2015; Балакина, 2016).

Излагаемый в статье анализ адаптационных практик этнических групп базируется на данных о динамике социально-экономических показателей, представляемых официальной статистикой, и на материалах опроса населения Тувы в июне — июле 2023 г., проведенного под руководством автора статьи с привлечением сотрудников Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (ТИГПИ). Были опрошены 421 человек трудоспособного возраста, жители городов и сельских территорий по репрезентативной выборке по полу, возрасту, уровню занятости и образования. Территориальная выборка включала в себя 5 городских и 9 сельских населенных пунктов: города Кызыл, Ак-Довурак, Шагонар, Чадан, Туран и кожууны (Кызылский, Пий-Хемский, Каа-Хемский, Улуг-Хемский, Тандинский, Овюрский и Эрзинский). Среди опрошенных 53,2% женщин и 46,8% мужчин; 28,7% молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет, 44,4% лиц в возрасте 31–50 лет; 85,1% тувинцев, 12,3% русских и 2,6% представители других этносов (хакасов, бурят, киргизов, белорусов); 14,6% имеют среднее общее (полное и неполное) образование, 32,7% — среднее специальное и 52,7% — высшее, включая незаконченное образование, что в основном соответствует параметрам Всероссийской переписи населения 2020 г. по Туве. Опрос населения проводился в виде формализованного интервью по разработанной Г. Ф. Балакиной анкете, содержащей ряд вопросов из анкет с 2010 г. для сопоставимости результатов. Данные опросов 2010, 2014 и 2023 гг., проведенных при участии автора, использованы в анализе и приводятся в статье. Анкета 2023 г. состоит из 56 вопросов и содержит блоки вопросов по восприятию социально-политической ситуации, социальному положению, уровню жизни, трудовой деятельности, занятости, этнополитической ситуации, отношению к инновациям, нововведениям в быту и на производстве. В целях выявления групп, различающихся специфическими адаптационными практиками как стилем активности, нами использовался алгоритм двухэтапной выборки, предусмотренный в пакете программ SPSS. Статья

представляет собой продолжение изложения материалов исследования 2023 г., в частности данных опроса экспертов (Балакина, 2023).

Обоснование теоретико-методологической базы исследования

Научное исследование, результаты которого излагаются в данной статье, базируется на методах системного анализа и концепции жизненных шансов, предложенной М. Вебером для выделения основных элементов социальной структуры общества (Weber, 1978ab). Наиболее значимыми из этих шансов ученый считал те, которые связаны с положением индивидов в системе производственных отношений, престижностью их статусных позиций и потреблением ими различных благ, причем как материальных, так и нематериальных. На этом основании Вебер ввел понятия позитивной и негативной привилегированности, которые и стали использоваться впоследствии в качестве критериев формирования групп в социальной иерархии в рамках неовебирианского подхода к анализу социальной структуры в работах зарубежных (Giddens, 1973; Sen, 1992; Beck, 2009; Scott, 2002; и др.) и отечественных (Popova, Pishnyak, 2017; Тихонова, 2018; Аникин, 2018; Мареева, 2018; Лежнина, 2019; и др.) авторов.

В научной литературе можно выделить несколько теоретических подходов, объясняющих выбор индивидами и складывающимися из них общностями тех или иных стратегий адаптации (Allen, Henderson, 2016; Moen, Wethington, 1992). Исследователи выделяют структурный подход, теорию рационального выбора и теорию жизненного пути. Последователи структурного подхода (Bengtson, Allen, 1993; Hareven, 1991; Saraceno, 1989; и др.) утверждают, что общности формируют адаптационные практики по сохранению и повышению своего социального положения в рамках существующих в данный момент времени структурных ограничений: специфика экономических и социальных институтов, особенности неравенств в современном обществе. При этом индивидуальные взгляды людей на стратегии развития их жизненного пути рассматриваются как второстепенные, поскольку изначально предполагается, что общности просто приспосабливаются к окружающей среде (Каравай, 2019: 130).

Ученые, базирующие свои исследования на теории рационального выбора (Berk, 1980; Coleman, 1986; и др.), в противоположность структурному подходу, предполагают, что люди стремятся наращивать свое благосостояние в существующих условиях, оптимизируя эффект от имеющихся у них ресурсов. При этом механизмы, объясняющие, как жители определяют ту «функцию полезности», которую максимизируют, остаются в ней пока дискуссионными. Кроме того, в рамках этого подхода нельзя объяснить множество нерациональных действий, которые совершаются людьми на протяжении их жизни.

В основе третьего подхода, фактически аккумулирующего положения двух предыдущих, используются различные вариации теории жизненного пути (Elder, Caspi, 1990; Narotzky, Besnier, 2014). В его рамках речь идет о том, что на разных этапах жизни выбираются стратегии поведения в различных исторических, культурных и социальных условиях. Специфика развития детерминирует ресурсы и возможности, требования, нормы и ожидания людей, влияющие на поведение социальных групп, и может способствовать его отклонению от норм экономической рациональности. Социально-экономические или культурные сдвиги влекут за собой изменения в требованиях, нормах и обеспеченности ресурсами и активами, в силу чего меняется поведение личностей и социальных общностей, чтобы в новых условиях удовлетворить свои новые потребности. Таким образом, этот подход, разделяемый и нами, подчеркивает зависимость характера стратегий адаптации от существующих условий, принимая во внимание разнообразие факторов их выбора, а также длительность и последовательность их использования (Каравай, 2019: 130).

По результатам масштабных социологических опросов населения страны, проведенных в 2016-2020 гг. российскими социологами, сделаны выводы о тенденциях изменения социально-психологического самочувствия, ожиданий и оценок, описаны основные адаптационные практики, а также определены гендерный аспект и региональная специфика в проявлениях социальных настроений и адаптационных практик россиян (там же: 141-142; Волков и др., 2017: 91-92; Горшков, 2019; Попов, 2020; Тощенко, 2020). При этом ряд исследователей используют теорию жизненного пути в различных вариациях.

Также нами использовались материалы исследований ученых по проблемам определения способов и методов сохранения, совершенствования и использования человеческого потенциала регионов, снижения рисков в его динамике и установления особенностей социально-экономической ситуации в оценках населения (Аксютин, 2022; Валиахметов, Зарипов, Туракаев, 2022; Ахметова, 2022; Ламажаа, Валиахметов, Самба, 2022; Балакина, 2022).

В данной статье автор продолжает изучение адаптационных процессов жителей Тувы, актуализирует данные сравнительного анализа этнорегиональных моделей адаптации, чему ранее посвящен ряд публикаций (Балакина, Кылгыдай, 2015; Балакина, 2023; и др.), поскольку данная проблематика мало отражена в научной литературе.

Особенности оценки социально-экономической ситуации в регионе

Для определения специфики социально-экономических процессов на момент исследования в ходе опроса респондентам были заданы вопросы по определению изменения собственного материального положения (табл. 1) как одного из основных индикаторов социального благополучия. Две трети ответивших положительно охарактеризовали эту динамику, назвав ее позитивной или стабилизовавшейся.

Таблица 1. Оценка жителями Тувы своего материального положения, в % от числа опрошенных*
Table 1. Assessment of their financial situation by residents of Tuva, in % of the number of respondents

Ваше материальное положение	Распределение ответов на вопрос «Как изменилось материальное положение Вашей семьи с 2020 г.?»			Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете перспективы изменения материального положения Вашей семьи в ближайшем будущем?»		
	Все опрошенные	Из них:		Все опрошенные	Из них:	
		тувинцы	русские		тувинцы	русские
Улучшилось / Улучшится	7,8	8,7	2,4	34,9	36,6	14,6
Осталось / Останется без изменений	62,7	62,3	63,4	38,5	36,6	61,0
Ухудшилось / Ухудшится	22,7	21,5	31,7	8,3	7,8	9,8
Затрудняюсь ответить	6,8	7,5	2,4	18,3	19,0	14,6

* По материалам опроса 2023 г.

Большинство опрошенных (62,7%) считают, что с 2020 г. произошла стабилизация их материального положения. Такая оценка собственного материального благополучия населением республики в современных условиях выглядит достаточно оптимистично. Оценки перспективных изменений благосостояния своей семьи выглядят еще более позитивно, в особенности у тувинских респондентов. У русских в оценке материального благополучия уровень пессимистичности восприятия действительности выше, также они более сдержаны в позитивных оценках своего будущего, их надежды на лучшее в несколько раз ниже, чем у опрошенных тувинцев. При этом Республика Тыва остается регионом с одним из самых низких уровней доходов жителей.

Наибольшую тревогу у жителей Тувы (табл. 2) вызывают инфляционные процессы, жилищная проблема, асоциальные явления и угроза безработицы, меньшую значимость имеют возможность ухудшения межнациональных отношений и экологии. В этнических группах рейтинг несколько ме-

няется: в первую тройку проблем у тувинцев, кроме инфляции, входят жилищная проблема и наркомания, алкоголизм, у русских — угроза безработицы, наркомания и алкоголизм при существенно более высоком опасении ухудшения межнациональных отношений.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Какие проблемы нашего общества беспокоят Вас более всего?», в % от числа опрошенных*
 Table 2. Distribution of answers to the question “What problems of our society worry you the most?”, in % of the number of respondents

Варианты ответов	Все ответившие	Из них	
		тувинцы	русские
1) рост цен, инфляция	69,8	70,7	65,9
2) кризис в экономике, спад производства, кризис неплатежей, несвоевременная выплата зарплаты, пенсии, пособий, стипендий	27,8	26,8	36,6
3) рост преступности	38,8	38,5	36,6
4) угроза безработицы	40,5	39,9	46,3
5) ухудшение межнациональных отношений	9,3	7,8	19,5
6) жилищная проблема	44,9	45,5	36,6
7) ухудшение экологической ситуации	22,2	22,6	22,0
8) наркомания, алкоголизм	44,1	43,4	46,3
9) кризис морали и нравственности	23,2	22,6	24,4

* По материалам опроса 2023 г.

Таким образом, жители республики в большинстве позитивно оценивают сложившееся социально-экономическое положение, с пониманием относятся к возникающим проблемам, в том числе угрозе безработицы, асоциальным проявлениям, ухудшению экологии. Более четверти опрошенных не уверены в позитивном изменении своего материального положения, что повышает риски снижения удовлетворенностью жизнью и перспективами ее улучшения в социуме. Можно констатировать существенный кредит доверия действиям правительства России и Тувы при наличии проблем в социальном самочувствии населения при определенных различиях в оценках представителей этнических групп.

Сохраняется дифференциация и в оценках собственных перспектив в экономике (табл. 3). Хотя в целом превалирование позитивных оценок сохраняется, но их уровень стал ниже по сравнению с 2010 г. Русские респонденты по-прежнему свои перспективы оценивают более сдержанно. Снизилась доля ответивших, которые не верят в собственный экономический прогресс, при росте затруднившихся с ответом. Такому изменению оценок способствовали, по нашему мнению, циклические кризисные колебания рыночной конъюнктуры, пандемия коронавируса и другие слабо предсказуемые явления, значительно осложняющие динамику уровня жизни населения.

Таким образом, материалы исследования показывают, как сохранение дифференциации в оценках социально-экономических процессов представителями этнических групп региона, так и лояльное отношение к способам решения возникающих проблем со стороны правительства страны и региона.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете свои перспективы в экономике?», в % от числа опрошенных*
 Table 3. Distribution of answers to the question “How do you assess your prospects in the economy?”, in % of the number of respondents

Варианты ответов	2010 г.			2023 г.		
	Все ответившие	В том числе		Все ответившие	В том числе	
		тувинцы	русские		тувинцы	русские
Не сомневаюсь в успехе и надеюсь на него	43,7	47,8	29,0	43,2	45,0	31,7
На этапе экономических преобразований нас ждут серьезные проблемы, неудачи и добиться успеха будет нелегко	36,8	34,0	45,2	32,4	30,7	41,5
Надежды на успех нет	8,8	8,4	10,8	7,1	7,0	9,8
Затрудняюсь ответить	10,7	9,8	15,0	17,3	17,3	17,1

По данным опросов 2010 г. (Балакина. Кылгыдай, 2015: 92); 2023 г.

Выявление взаимосвязи особенностей адаптационного поведения и уровня социально-экономического положения жителей

Уровень жизни и доходов оценках респондентов. В ходе опроса блок вопросов был посвящен самооценке жителями собственного уровня доходов. Здесь опрашиваемые давали ответы на вопросы о применяемых ими ограничениях в удовлетворении духовных и материальных потребностей (табл. 4, 5). Почти каждый третий опрошенный указал, что в современных условиях ему не пришлось отказаться ни от чего необходимого. Обращает на себя внимание, что суммарные оценки «отказов» у русских значительно выше, чем у тувинских респондентов. Это свидетельствует о повышенных требованиях опрошенных русских и терпимости тувинских.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «От чего важного для Вас Вы вынуждены были отказаться из-за нынешней ситуации в стране?», в % от числа опрошенных*
 Table 4. Distribution of answers to the question “What important things you have had to give up because of the current situation in the country?”, in % of the number of respondents

Варианты ответов	Все ответившие	В том числе	
		тувинцы	русские
от продолжения образования	7,1	7,8	2,5
от любимой работы	3,7	3,4	2,5
от приобретения товаров длительного пользования	17,6	16,0	30,9

от решения жилищной проблемы	18,9	18,8	20,0
от туристических поездок по стране и за рубеж	25,0	25,0	22,5
от санаторно-курортного лечения	14,2	14,0	15,0
от необходимых медицинских услуг	11,0	9,5	20,0
от привычной структуры питания	5,1	5,0	5,0
от поездок к родным и близким	5,9	5,3	12,5
от намерений дать хорошее образование детям	4,2	4,2	2,5
от рождения ребенка, женитьбы	7,4	7,2	10,0
ни от чего не отказался	30,6	30,5	30,0

* Данные опроса 2023 г.

По материалам нашего опроса в первую очередь жители экономят на культурных развлечениях (35,9%, 35,9 и 39% соответственно), на покупке одежды и обуви (33,3; 33,9 и 29,3), 37,2% (35,3% тувинцев и 46,3% русских) отказываются от поездок во время отпуска. Также экономия на необходимых медицинских услугах и санаторно-курортном лечении (26,2% опрошенных, из них 23,5% у тувинцев и 35% у русских), с нашей точки зрения, не является позитивным показателем и сдерживает рост ожидаемой продолжительности жизни населения Тувы, которая и так одна из самых низких в стране.

Итак, результаты опроса 2023 г. по-прежнему демонстрируют различия в нюансах оценок динамики социально-экономических процессов со стороны представителей основных этносов, что обусловлено как особенностями менталитета, восприятия действительности, так и дифференциацией уровня доходов. Сдержанные оценки неуспеха в будущем и стабильно высокие позитивные значения изменений собственного благополучия и надежда на успех экономики республики в будущем свидетельствуют о нарастании процессов адаптации жителей Тувы к современным условиям жизни и труда.

Таблица 5. Распределение респондентов по уровню доходов на члена семьи, в % от числа опрошенных *
Table 5. Distribution of respondents by income level per family member, in % of the number of respondents

Уровень душевого дохода	Все ответившие	В том числе	
		тувинцы	русские
До 13 600 руб.	37,2	40,6	17,5
От 13 601 до 16 750 руб.	12,4	12,3	10,0
От 16 751 до 22 000 руб.	18,9	19,7	10,0
От 22 001 до 30 000 руб.	17,8	15,8	32,5
От 30 001 до 43 300 руб.	6,7	6,8	7,5
От 43 301 руб. и выше	7,0	4,8	22,5

* Данные опроса 2023 г.

В данном исследовании были опрошены жители, у 68,4% из которых среднедушевые доходы не превышали или равнялись размеру прожиточного минимума: у 73,2% тувинцев и 37,5% русских. Доходы последователей пассивных практик у большинства (74,3%) не превышают прожиточного минимума или находятся на его уровне, лишь у незначительной части — у 4,8–7,3% — приверженцев пассивных практик выжидания доходы превышают средние по Туве.

Адаптационные практики в ответах респондентов

В ходе опроса респондентам были заданы вопросы об оценке их готовности к изменениям, связанным с колебаниями рыночной инфраструктуры, в частности к возможной потере работы (табл. 6) и направлениях из усилий по поиску работы и сохранению или улучшению своего материального положения (табл. 7).

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы в целом оценили свою готовность к возможной потере работы?», в % от числа опрошенных*
 Table 6. Distribution of answers to the question “How would you generally assess your readiness for possible job loss?”, in % of the number of respondents

Варианты ответов	Все ответившие	В том числе	
		тувинцы	русские
Психологически готов, но пока не начал строить свою жизнь с учётом возможной потери работы	36,1	36,1	35,3
Психологически готов и уже начал действовать в рыночных структурах	13,9	13,8	18,7
Психологически не готов и пока ничего не меняю в своей жизни	31,0	31,1	26,4
Психологически не готов, но вынужден менять свой жизненный уклад, приспосабливаться к возможному поиску работы	16,0	16,0	13,7
Затрудняюсь ответить	3,0	3,0	5,9

* Данные опроса 2023 г.

Динамика отношения жителей Тувы к возможной потере работы, одному из основных рисков рыночной экономики, подтверждает утверждение о растущем их встраивании в рыночные процессы, адаптации к ним (табл. 6). Нарастающие трудности, связанные с ростом цен, усложнением поиска работы, привели к нивелированию, снижению различий в адаптационных установках, выявленных в 2023 г. по сравнению с 2010 г. Различия в готовности действовать в рыночных условиях между тувинцами и русскими сводятся к тому, что среди тувинцев больше доля выжидающих (67,2%), не готовых менять свое поведение в зависимости от конъюнктуры рынка, чем среди русских (61,7%), русские несколько более активно встраиваются в рыночные процессы, чем тувинские респонденты (32,4% и 29,9% соответственно), но среди русских больше неопределившихся.

Дифференциацию адаптационного реагирования на конъюнктурные изменения рынка демонстрируют данные табл. 7.

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «Что Вы предпринимали для получения работы и улучшения своего материального положения?», в % от числа опрошенных*
 Table 7. Distribution of answers to the question “What have you done to get a job and improve your financial situation?”, in % of the number of respondents

Варианты ответов	Все ответившие	В том числе	
		тувинцы	русские
Искал любую подходящую работу	30,4	30,4	28,3
Искал работу по специальности	29,7	29,7	36,4
Прошел переобучение, получил новую специальность	4,9	5,1	4,8
Уезжал, искал работу в другом населенном пункте	4,6	4,2	7,8
Добился статуса безработного	2,8	2,9	2,0
Не искал работы, так как там, где я живу, поблизости работы нет	3,0	3,1	2,0
Брал деньги в долг, оформлял кредит	7,8	7,8	4,4
Обратился за помощью в органы социальной защиты	6,0	6,1	4,7
Не искал работы в связи с достаточной материальной обеспеченностью семьи	0,2	0,3	0
Не искал работы по другим причинам	10,6	10,6	9,6

* Данные опроса 2023 г.

Таким образом, в результате опроса выявляются различия в реагировании представителей этнических групп на современные вызовы. Для тувинцев более характерны использование возможностей, предоставляемых органами социальной защиты: получение статуса безработного с выплатой пособия по безработице (2,9% тувинцев и 2,0% русских), прохождение переобучения (5,1 и 4,8% соответственно), оформление социального контракта, получение разовых социальных выплат и др. Русские менее полагаются на помощь системы социального обеспечения, более склонны к поиску работы в других населенных пунктах, хотят найти работу по специальности (36,4% русских по сравнению с 29,7% тувинцев), менее склонны к получению кредитов по сравнению с тувинскими респондентами (4,4% русских и 7,7% тувинцев). Такие различия вкупе с дифференциацией отношения к возможной потере работы (54% и 49,9% тувинцев и русских соответственно психологически готовы выйти на рынок труда) позволяют выдвинуть предположение о некотором превышении пассивных практик, более высоком уповании на помощь государства у тувинцев по сравнению с русскими.

Анализ ответов респондентов и проведение вторичных выборок позволило определить несколько уровней активности жителей Тувы в ходе адаптации к условиям рынка труда, изменениям в отраслевой структуре производства и возможностям возрастающей информатизации. Опираясь на данные экспертного опроса и предложенные экспертами подходы к определению адаптационных стратегий, систематизируя ответы жителей, мы выделили десять видов адаптационных практик населения Республики Тыва, дифференцированных по глубине и скорости встраивания в трансформационные процессы (табл. 8), перечень которых в основном совпадает с предложенной классификацией по России (Каравай, 2019). Здесь усовершенствована предложенная нами ранее классификация

адаптационных практик, сформированная по экспертным оценкам (Балакина, 2023: 201–202), где были выделены практики выживания и социального прогресса. Сейчас предлагается учесть не только контуры практик, но и уровень предприимчивости, энергичности их последователей, их социальную и трудовую активность, разбитые на три уровня, номинированные как:

- активные, к которым отнесены более успешные практики, требующие значительного уровня предприимчивости, существенных усилий по конструированию карьеры;
- мобилизующие, занимающие среднее положение между первыми и последними;
- пассивные практики, которые также можно назвать «практиками выживания» с низким уровнем активности, включая добровольную и вынужденную пассивность.

Таблица 8. Выявленные адаптационные практики населения Тувы
Table 8. Identified adaptation practices of the population of Tuva

Группы практик	Виды адаптационных практик	Основные черты практик и их последователей
Активные	Повышение уровня образования и квалификации	Приобретение новых навыков и знаний в группе занятых с наиболее высоким уровнем образования, квалификации для карьерного роста и увеличения уровня доходов, зарплаты
	Изменение места работы и объема занятости	Поиск более высоко оплачиваемой работы, дополнительного заработка, любых приработков, сверхурочной работы
	Смена места жительства	Наиболее мобильная часть занятых в возрасте от 20 до 50 лет с высшим и средним профессиональным образованием значительным опытом работы, имеющих высокую конкурентоспособность на рынке труда
	Приобретение новых навыков и знаний, склонность к инновациям	Восприимчивость новаций, готовность к смене профессии, переобучению для актуализации профессиональных знаний
Мобилизующие	Использование социальных новаций	Применение социального контракта, участие в губернаторских проектах, реализация возможностей увеличения доходов семьи в трудной жизненной ситуации
	Склонность к трудовой миграции	Временная (сезонная) занятость, предполагающая возвращение к семье, проживающей в Туве
	Развитие личного подсобного хозяйства, огородничество, сбор дикоросов	Производство продуктов, выращивание овощей, заготовка кормов для себя и на продажу
Пассивные	Добровольная пассивность	Надежда на помощь родственников, государства; использование активов, ограниченные возможности здоровья
	Увеличение долговой нагрузки	Получение нескольких видов кредитов, иногда по сумме превышающих возможности их оплаты, займы у микро-кредитных организаций
	Вынужденная пассивность	Нет возможностей дополнительного заработка, занятость по уходу за детьми, больными и престарелыми родственниками, нет работы вблизи жилья. Предполагает экономию на многих статьях расхода и повышенный отложенный спрос.

В ходе исследования сделаны выборки по уровню образования, опыту работы, возрасту из числа выбравших активные практики по ряду вопросов. Выяснилось, что активные адаптационные практики выбирают наиболее мобильные во всех отношениях жители Тувы: они готовы к продолжению образования, повышению квалификации, расширению своих должностных обязанностей для увеличения доходов, готовы к смене места работы для карьерного роста и переезду в другой населенный пункт, т. е. предпринимают активные действия для улучшения своего материального положения. Они стремятся получить дополнительные доходы от имеющихся активов, от увеличения нагрузки на основной работе, берутся за сверхурочную, дополнительную работу, подработки. В основном последователи этих практик живут в городах республики (Кызыл, Чадан, Шагонар, Туран, Ак-Довурак), имеют высшее и среднее профессиональное образование, уровень их доходов на члена семьи в несколько раз выше прожиточного минимума. Возраст большинства (63,5%) сторонников практик высокой активности находится в пределах 31–50 лет. Можно констатировать наращивание активов и расширение жизненных возможностей у сторонников активных адаптационных практик в силу достигнутого уровня доходов, превышающего в два-три раза размер прожиточного минимума.

Исходя из полученных нами результатов, мобилизующие адаптационные практики основываются на использовании новых возможностей для трудоустройства и повышения уровня жизни, которые генерируются государством и спецификой рынка труда российских регионов, а также более рационального использования имеющихся активов (садовых и земельных участков, огородов, пастбищ, недвижимости). Эти практики названы мобилизующими, так как создают условия для дальнейшего развития: открытия собственного дела, повышения социального статуса, карьерного роста и др. Сюда относятся жители республики в активном трудоспособном возрасте, молодежь. Медианные доходы представителей данных практик находятся на уровне прожиточного минимума. Результаты опроса демонстрируют распространенность у данной группы населения практик, предусматривающих отложенный спрос и экономию. Одной из основных целей данных практик становится снижение масштабов социальных рисков и депривации до среднего по региону.

В ходе анализа определено, что для сторонников пассивных практик характерны повышенный уровень иждивенческой нагрузки, пониженный уровень владения активами для адаптации, что не позволяет им следовать более активным практикам. Они не имеют возможности или не видят необходимости каких-либо действий для улучшения своего материального положения, надеясь на помощь семьи и государства. Сюда относятся работники учреждений бюджетной сферы (28,3%), жители сел (54,4%), лица пенсионного и предпенсионного возраста (35,8%). Пенсионеры стараются помочь детям и внукам в поддержании уровня благосостояния, получении образования, тем самым снижая уровень собственного потребления. Следует отметить более высокую приверженность тувинцев к выбору пассивных практик, люди как бы ждут лучших времен, выжидают, когда получат более благоприятные условия выбора. Это существенно обусловлено более низкими средними доходами у респондентов-тувинцев, как отмечено выше.

Исследование особенностей адаптационных практик позволяет выявить характерные черты реагирования этнических групп на специфику трансформационных процессов в Туве: более высокая значимость повышения образования и квалификации, применения социальных новаций у тувинцев; смена места работы и повышенные миграционные настроения у русских. Респонденты заинтересованы в развитии личных подсобных хозяйств для производства продуктов питания как для себя и членов семьи, так и на продажу. Достаточно высока доля «выжидающих»: практически каждый четвертый респондент не может в полной мере заботиться о повышении благосостояния семьи и вынужден сдерживать уровень своих притязаний. При этом среди тувинцев удельный вес выжидающих выше, чем среди русских.

Миграционный потенциал этнических групп Тувы

Тува выделяется среди регионов России устойчивым отрицательным значением сальдо миграции: превышением числа выехавших над количеством прибывших в республику, которое компенсируется высоким естественным приростом населения. Наибольшая активность переездов наблюдается внутри Тувы, удельный вес внутрирегиональной миграции в общем миграционном потоке составлял в 2010 г. 75,7%, в 2015 г. — 65,5%, в 2021 г. — 54,3% (Регионы России ... , 2022: 91–99). Существенная миграция внутри региона, преобладание потоков «село — город» обусловили рост доли городского населения с

52,3% в 2010 г. до 54,9% в 2023 г. (там же: 47–48). В последнее десятилетие интенсивность миграционных потоков в регионе снизилась (табл. 9) за счет стабилизации экономической ситуации, расширения программы поддержки малоимущих слоев населения и др. Однако можно говорить об изменении направлений переезда от смены места жительства внутри Тувы к смене региона проживания, от почти мононационального состава выезжающих при подавляющем большинстве некоренного населения к его диверсификации с ростом доли выезжающих тувинцев (Абылкаликов, Баймурзина, 2022; Абылкаликов, Баймурзина, Баталов, 2023; Ахметова, 2022; Попова, Яник, Кашепов, 2023; Чернышев и др., 2023; Самба, 2022).

Таблица 9. Коэффициенты миграционного прироста на 10 000 человек населения*
Table 9. Migration growth rates per 10,000 people

	2005	2010	2015	2019	2020	2021
Российская Федерация	20	19	17	19	9	30
Сибирский федеральный округ	-42	-16	-1	-7	-16	7
Республика Алтай	-49	-28	-10	25	15	25
Республика Тыва	-93	-126	-76	-12	-18	-41
Республика Хакасия	-17	-21	6	-15	-2	-8
Алтайский край	-78	-33	-19	-18	-11	-15
Красноярский край	-64	-15	10	-10	5	42
Иркутская область	-76	-59	-25	-14	-31	-9
Кемеровская область	-17	-13	-7	-9	-15	-12
Новосибирская область	12	26	45	37	6	48
Омская область	-37	-31	-9	-63	-57	-40
Томская область	-17	75	1	30	-42	48

* Регионы России ... , 2022: 91–92; знак (-) означает убыль.

Следует также отметить сохраняющийся высокий миграционный потенциал: более 30% опрошенных хотели бы сменить место жительства (табл. 10). При этом 75,6% опрошенных в 2023 г. (70% тувинцев и 96,8% русских) хотели бы переехать за пределы Тувы, тогда как в 2010 г. желание изменить место жительства, выехав из Тувы, высказали 24,8% респондентов (15,5% тувинцев и 53,8% русских). За прошедшее время с 2010 г. миграционный потенциал населения Тувы увеличился, существенно возрос в этнической группе тувинцев вследствие роста уровня образования, изменения ситуации на рынке недвижимости, при котором цена квартиры в городе Кызыле почти не уступает цене аналогичной квартиры в регионах Сибири и городах центральной части России.

Хотя интенсивность миграционных потоков за 2010–2021 гг., по данным официальной статистики, несколько снизилась вследствие возросшего уровня социальной поддержки и снижения уровня безработицы в Туве, тем не менее миграционный потенциал (уровень желательности перемены места жительства) остается существенным при некотором росте с 2010 г. по 2014 г. и снижении к 2023 г. При этом среди тувинцев доля не желающих переезжать возросла за 2014–2023 гг. с 50,9% до 54,4%, тогда как у русских снизилась с 40% до 36,6%. Возросшая доля затруднившихся с ответом позволяет предположить о неосознанности желания перемены места жительства рядом респондентов.

Более половины готовых к миграции жителей (53,1%) в 2023 г. имеют высшее и незаконченное высшее образование, 43,8% — среднее общее и профессиональное образование. Из них 38,3% —

молодежь в возрасте от 18 до 30 лет и 44,5% — опрошенные 31–50 лет. Более 50% относятся к гуманитариям по образованию, 25% имеют техническое образование, значительно дефицитное в Туве. По социальному положению 51,6% планирующих переезд относятся к служащим, инженерно-техническим, медицинским и научным работникам, преподавателям и творческой интеллигенции.

Таблица 10. Миграционный потенциал жителей Тувы (в % по столбцу)*
Table 10. Migration potential of people living in Tuva (in % by column)

Сменить место жительства...	2010 г.			2014 г.			2023 г.		
	Все респонденты	Из них		Все респонденты	Из них		Все респонденты	Из них	
		тувинцы	русские		тувинцы	русские		тувинцы	русские
хотели бы	32,5	27,6	48,4	37,3	35,2	50,0	30,4	27,9	48,1
не хотели бы	57,5	62,6	39,8	48,8	50,9	40,0	51,9	54,4	36,5
затруднились с ответом	10,0	9,8	11,8	13,9	13,9	10,0	17,7	17,7	15,4

* Данные опросов автора 2010, 2014 и 2023 гг.

В ходе анализа данных опроса населения 2023 г. определено, что группа «готовых к миграции» жителей Тувы состоит в основном из занимающих высокое место по уровню доходов и образованию (51,6%) и имеющих низкий уровень доходов при значительном стаже и опыте работы (38,4%). Несклонные к миграции жители в большинстве (57%) имеют средние душевые доходы на уровне прожиточного минимума. Результаты изучения особенностей миграционных настроений жителей Тувы могут использоваться органами исполнительной власти при прогнозировании интенсивности миграции и качественного состава мигрантов. Готовность к миграции рассматривается нами как адаптационная практика, которой присущи как положительные, так и отрицательные черты (Балакина, 2023: 199). Мы согласны с А. В. Каравай, что современные вызовы и «жизненные ситуации подталкивают человека к перемещению в другую институциональную среду, ассоциирующуюся для россиян с переездом на новое место жительства» (Каравай, 2019: 142).

Заключение

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что жители Тувы в целях приспособления к социальным трансформациям действуют рационально в поле сформированных возможностей. Основными триггерами ситуации выбора адаптационной практики, как и в целом по России, выступают уровень образования и квалификации, доходов, накопленные активы, состав семьи. Нами отмечено, что одним из побудительных мотивов трудовой миграции становится необходимость погашения взятых кредитов. Жители республики с низкими доходами вынуждены либо бездействовать, либо выбирать малоэффективные адаптационные практики (рост долговой нагрузки, производство продуктов питания, выращивание овощей для себя).

Для представителей этнических групп Тувы схожим является то, что неблагоприятное соотношение жизненных шансов и рисков формирует установки на внутреннюю миграцию и выезд из Тувы. Особенным для общности коренного этноса становится установка на временный выезд из республики с целью получения работы при сохранении родственных тесных связей и намерении возвращения на родину после решения материальных проблем (погашения кредита, покупки недвижимости, скота) с

помощью заработков в других регионах. Также треть тувинцев, желающих сменить место жительства, рассматривают возможность переезда внутри республики: в другой город или сельскую местность Тувы. Специфика миграционных настроений русских заключается в следующем: большинство предполагающих уехать не собираются возвращаться в Туву, намерены трудоустроиться в других регионах и воссоединиться с переехавшими ранее и / или живущими на исторической родине родственниками.

Неравномерность распределения материальных ресурсов между социальными группами, дифференциация материального благополучия могут стимулировать рост социальной напряженности, порождать социальную апатию, стимулировать следование практикам выживания, ожидания лучших времен, которые вряд ли могут быть отнесены к социально успешным. Значительная доля жителей, выбирающих пассивные практики, позволяет сделать вывод о том, что адаптивный потенциал социума региона недостаточен для обеспечения высоких темпов трансформации, а сами темпы и характер трансформаций отрицательно сказываются на социальном самочувствии населения, порождают снижение уверенности в своем будущем и высокую склонность к миграции.

Результаты исследования адаптационных практик позволяют определить контур поля социально успешных моделей приспособления, к которым можно отнести высокоактивные и мобилизующие практики. Особую часть адаптационных практик составляет вынужденная трудовая миграция, которая, с одной стороны, позволяет решить проблему материального обеспечения жителей при ряде социальных потерь, с другой — обуславливает снижение качества трудовых ресурсов Тувы, человеческого потенциала региона.

Благодарности

Автор благодарит жителей республики, ответивших на вопросы анкеты. Выражаю признательность сотрудникам Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (ТИГПИ) за помощь в проведении анкетирования населения Тувы, лично О. Д. Натсак за профессиональное руководство опросом жителей и Ч. Б. Даржаа за оцифровку данных и расчеты с применением программ SPSS. Благодарю анонимных рецензентов, замечания которых помогли уточнить формулировки по тексту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абылкаликов, С. И., Баймурзина, Г. Р. (2022) Особенности демографических процессов в городах Кызыл и Элиста в 2011–2020 годы: сравнительный анализ // Новые исследования Тувы. № 2. С. 34–52. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.3>

Абылкаликов, С. И., Баймурзина, Г. Р., Баталов, Р. О. (2023) Миграция населения в Туве по данным Всероссийской переписи населения 2020 года // Новые исследования Тувы. № 2. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.1>

Аксютин, Ю. М. (2022) Социальный капитал республик Тыва, Хакасия и Алтая в оценках и представлениях жителей регионов (по данным массовых опросов 2013 и 2018 гг.) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 150–169. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.11>

Аникин, В. А. (2018) Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 4 (146). С. 39–67. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.03>

Ахметова, Г. Ф. (2022) Миграционные процессы в национальных республиках с разным уровнем развития человеческого потенциала (на примере Башкортостана, Татарстана и Тувы) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 53–69. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.4>

Балакина, Г. Ф. (2016) Этносоциальные особенности адаптации населения Республики Тыва к рыночной экономике // Регион: экономика и социология. № 4 (92). С. 176–195. DOI: <https://doi.org/10.15372/REG20160408>

Балакина, Г. Ф. (2022) Риски развития человеческого потенциала этнических общностей Республики Тыва (1999–2021 гг.) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 20–33. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.2>

Балакина, Г. Ф. (2023) Адаптационные стратегии населения Республики Тыва: проблемное поле исследования и мнения экспертов // Новые исследования Тувы. № 3. С. 193–206. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.12>

Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (1995) Современная Тува: социокультурные и этнические процессы / отв. ред. З. И. Калугина. Новосибирск : Наука. 140 с.

Балакина, Г. Ф., Кылыгдай, А. Ч. (2015) Этнорегиональные модели адаптации к рынку труда в Туве / отв. ред. Л. В. Корель. Кызыл : ТуВИКОПР СО РАН. 160 с.

Валиахметов, Р. М., Зарипов, А. Я., Туракаев, М. С. (2022) Проблемы развития человеческого потенциала в республиках Российской Федерации (по результатам опроса экспертов в Дагестане и Туве) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 170–185. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.12>

Волков, Ю. Г., Бинеева, Н. К., Посухова, О. Ю., Сериков, А. В. (2017) Социальные настроения и адаптивные практики жителей Ростовской области в контексте российской повседневности в условиях кризиса // Вестник Института социологии. Т. 8, № 2 (21). С. 71–95. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2017.21.2.456>

Горшков, М. К. (2019) О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования. № 11. С. 3–17. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250007445-2>

Каравай, А. В. (2019) Основные модели социально-экономической адаптации в разных странах российского общества // Terra Economicus. Т. 17, № 3. С. 128–145. DOI: <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145>

Ламажаа, Ч. К., Валиахметов, Р. М., Самба, А. Д.-Б. (2022) Проблемное поле исследований человеческого потенциала Тувы: обзор литературы и мнения экспертов (2020–2021) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 6–19. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.1>

Лежнина, Ю. П. (2019) Риски и возможности россиян как база социальной динамики // Журнал исследований социальной политики. Т. 17, № 2. С. 207–222. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-207-222>

Мареева, С. В. (2018) Жизненные шансы жителей столиц и провинций в массовом сознании // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6 (148). С. 365–385. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.17>

Попов, Д. С. (2020) Человеческий капитал в России: точность измерения и ограничения подхода // Социологические исследования. № 11. С. 27–38. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250010466-5>

Попова, С. М., Яник, А. А., Кашепов, А. В. (2023) Особенности функционирования и правового регулирования рынка труда Республики Тыва в условиях пандемии COVID-19 и цифровой трансформации // Новые исследования Тувы. № 2. С. 17–33. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.2>

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022 (2022) : стат. сб. М. : Росстат. 1122 с.

Самба, А. Д.-Б. (2022) Ретроспективный анализ формирования социально-профессиональной структуры населения Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 3. С. 135–149. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.10>

Тихонова, Н. Е. (2018) Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования, № 6 (410). С. 53–65. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518060053>

Тощенко, Ж. Т. (2020) Прекарная занятость — феномен современной экономики // Социологические исследования. № 8. С. 3–13. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250009904-7>

Чернышев, К. А., Митягина, Е. В., Чернышева, Н. В., Петров, Е. Ю. (2023) Масштабы и направления образовательной миграции тувинской молодежи // Новые исследования Тувы. № 2. С. 70–83. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5>

Allen, K. R., Henderson, A. C. (2016) Family theories: Foundations and applications. Hoboken, NJ : John Wiley & Sons. 272 p.

Beck, U. (2009) World at risk. Cambridge, UK ; Malden, MA : Polity Press. viii, 269 p.

Bengtson, V. L., Allen, K. R. (1993) The life course perspective applied to families over time // Sourcebook of family theories and methods: A contextual approach / ed. by P. G. Boss, W. J. Doherty, R. LaRossa, W. R. Schumm, S. K. Steinmetz. New York : Springer. xxvi, 748 p. P. 469–498.

Berk, R. A. (1980) The new home economics: An agenda for sociological research // Women and household labor / ed. by S. F. Berk. Beverly Hills, CA : Sage. 295 p. P. 113–148.

Coleman, J. S. (1986) Social theory, social research, and a theory of action // American Journal of Sociology. Vol. 91, no. 6. P. 1309–1335.

Elder, G. H. Jr., Caspi, A. (1990) Studying lives in a changing society: Sociological and personological explorations // Studying persons and lives / ed. by A. I. Rabin, R. A. Zucker, R. A. Emmons, S. Frank. New York : Springer Publishing Co. xv, 349 p. P. 201–247.

Giddens, A. (1973) The class structure of the advanced societies. London : Hutchinson. 336 p.

Hareven, T. K. (1991) The history of the family and the complexity of social change // The American Historical Review. Vol. 96, no. 1. P. 95–124. DOI: <https://doi.org/10.2307/2164019>

Moen, P., Wethington, E. (1992) The concept of family adaptive strategies // Annual Review of Sociology. Vol. 18, no. 1. P. 233–251. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.so.18.080192.001313>

Narotzky, S., Besnier, N. (2014) Crisis, value, and hope: Rethinking the economy: An introduction to supplement 9 // Current Anthropology. Vol. 55, no. S9. P. S4–S16. DOI: <https://doi.org/10.1086/676327>

Popova, D., Pishniak, A. (2017) Measuring individual material well-being using multidimensional indices: An application using the gender and generation survey for Russia // *Social Indicators Research*. Vol. 130, no. 3. P. 883–910. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-016-1231-7>

Saraceno, C. (1989) The concept of family strategy and its application to the family-work complex: Some theoretical and methodological problems // *Marriage & Family Review*. Vol. 14, no. 1–2. P. 2–18. DOI: https://doi.org/10.1300/J002v14n01_01

Scott, J. (2002) Social class and stratification in late modernity // *Acta Sociologica*. Vol. 45, no. 1. P. 23–35.

Sen, A. (1992) *Inequality reexamined*. New York : Russell Sage Foundation. xiv, 207 p.

Weber, M. (1978a) *Economy and society: An outline of interpretive sociology* : [in 2 vols.] / ed. by G. Roth, C. Wittich. Berkeley : University of California Press. Vol. 1. cx, 640 p.

Weber, M. (1978b) *Economy and society: An outline of interpretive sociology* : [in 2 vols.] / ed. by G. Roth, C. Wittich. Berkeley : University of California Press. Vol. 2. xxxii, 641–1469, lxiv p.

Дата поступления: 30.08.2023 г.

Дата принятия: 13.09.2023 г.

REFERENCES

Abylkalikov, S. I. and Baimurzina, G. R. (2022) Osobennosti demograficheskikh protsessov v gorodakh Kyzyl i Elista v 2011–2020 gody: sravnitel'nyi analiz [Demographic processes in the towns of Kyzyl and Elista in 2011–2020: A comparative study]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 34–52. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.3>

Abylkalikov, S. I., Baimurzina, G. R. and Batalov, R. O. (2023) Migratsiia naseleniia v Tuve po dannym Vserossiiskoi perepisi naseleniia 2020 goda [Migration of the population in Tuva according to the All-Russian Census of 2020]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.1>

Aksiutin, Yu. M. (2022) Sotsial'nyi kapital respublik Tyva, Khakasii i Altaia v otsenkakh i predstavleniiakh zhitelei regionov (po dannym massovykh oprosov 2013 i 2018 gg.) [Social capital of Tuva, Khakassia and Altai in estimates and opinions of their inhabitants (according to mass surveys conducted in 2013, 2018)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 150–169. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.11>

Anikin, V. A. (2018) Sotsial'naia stratifikatsiia po zhiznennym shansom: popytka operatsionalizatsii dlia massovykh oprosov [Social stratification based on life chances: Operationalization for mass surveys]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, no. 4 (146), pp. 39–67. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.03>

Akhmetova, G. F. (2022) Migratsionnye protsessy v natsional'nykh respublikakh s raznym urovnem razvitiia chelovecheskogo potentsiala (na primere Bashkortostana, Tatarstana i Tuvy) [Migration processes in national republics with different levels of human development: The cases of Bashkortostan, Tatarstan and Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 53–69. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.4>

Balakina, G. F. (2016) Etnosotsial'nye osobennosti adaptatsii naseleniia Respubliki Tyvy k rynochnoi ekonomike [The Tuva Republic population adaptation to the market economy and its ethno-social peculiarities]. *Region: Economics & Sociology*, no. 4 (92), pp. 176–195. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15372/REG20160408>

Balakina, G. F. (2022) Riski razvitiia chelovecheskogo potentsiala etnicheskikh obshchnostei Respubliki Tyva (1999–2021 gg.) [Risks in human development in ethnic communities of the Republic of Tuva (1999–2021)]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 20–33. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.2>

Balakina, G. F. (2023) Adaptatsionnye strategii naseleniia Respubliki Tyva: problemnoe pole issledovaniia i mneniia ekspertov [Adaptation strategies of the population of the Republic of Tuva: The problematic field of research and expert opinions]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 193–206. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.12>

Balakina, G. F. and Anaiban, Z. V. (1995) *Sovremennaiia Tuva: sotsiokul'turnye i etnicheskie protsessy* [Contemporary Tuva: Sociocultural and ethnic processes] / ed. by Z. I. Kalugina. Novosibirsk, Nauka. 140 p. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Kylgydai, A. Ch. (2015) *Etnoregional'nye modeli adaptatsii k rynku truda v Tuve* [Ethno-regional models of adaptation to the labour market in Tuva] / ed. by L. V. Korel. Kyzyl, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of the Siberian Branch of the RAS. 160 p. (In Russ.).

Valiakhmetov, R. M., Zaripov, A. Ya. and Turakayev, M. S. (2022) Problemy razvitiia chelovecheskogo potentsiala v respublikakh Rossiiskoi Federatsii (po rezul'tatam oprosa ekspertov v Dagestane i Tuve) [Issues of human potential development in the republics of the Russian Federation (according to the results of a survey of experts in Dagestan and Tuva)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 170–185. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.12>

Volkov, Yu. G., Bineeva, N. K., Posukhova, O. Yu. and Serikov, A. V. (2017) Sotsial'nye nastroyeniia i adaptivnye praktiki zhitelei Rostovskoi oblasti v kontekste rossiiskoi povsednevnosti v usloviakh krizisa [The social attitudes and adaptation practices of people living in Rostov province within the context of everyday Russian life during crisis]. *Bulletin of the Institute of Sociology*, vol. 8, no. 2 (21), pp. 71–95. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2017.21.2.456>

Gorshkov, M. K. (2019) O sotsial'nykh rezul'tatakh postsovetских transformatsii [Social outcomes of the post-Soviet transformations]. *Sociological Studies*, no. 11, pp. 3–17. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250007445-2>

Karavay, A. V. (2019) Osnovnye modeli sotsial'no-ekonomicheskoi adaptatsii v raznykh stratakh rossiiskogo obshchestva [Basic models of socio-economic adaptation in different strata of Russian society]. *Terra Economicus*, vol. 17, no. 3, pp. 128–145. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145>

Lamazhaa, Ch. K., Valiakhmetov, R. M. and Samba, A. D.-B. (2022) Problemnoe pole issledovaniia chelovecheskogo potentsiala Tuvy: obzor literatury i mneniia ekspertov (2020–2021) [The problem field of studying human development in Tuva: A survey of literature and expert opinions (2020–2021)]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 6–19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.1>

Lezhnina, Yu. P. (2019) Riski i vozmozhnosti rossiian kak baza sotsial'noi dinamiki [The risks and capabilities of Russians as a base for social dynamics]. *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 207–222. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-207-222>

Mareeva, S. V. (2018) Zhiznennye shansy zhitelei stolits i provintsiiv v massovom soznanii [Life chances of population in capitals and provinces in mass consciousness]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, no. 6 (148), pp. 365–385. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.17>

Popov, D. S. (2020) Chelovecheskii kapital v Rossii: tochnost' izmereniia i ogranicheniia podkhoda [Human capital in Russia: Measurement accuracy and limitations of the method]. *Sociological Studies*, no. 11, pp. 27–38. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250010466-5>

Popova, S. M., Yanik, A. A. and Kashepov, A. V. (2023) Osobennosti funktsionirovaniia i pravovogo regulirovaniia rynka truda Respubliki Tyva v usloviakh pandemii COVID-19 i tsifrovoi transformatsii [Features of functioning and legal regulation of the labor market in the Republic of Tuva under conditions of the COVID-19 pandemic and digital transformation]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 17–33. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.2>

Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2022 [Regions of Russia. Socio-economic indicators, 2022] (2022) : A statistical digest. Moscow, Rosstat. 1122 p. (In Russ.).

Samba, A. D.-B. (2022) Retrospektivnyi analiz formirovaniia sotsial'no-professional'noi struktury naseleniia Respubliki Tyva [Retrospective analysis of the development of the social and professional structure of the population in the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 135–149. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.10>

Tikhonova, N. E. (2018) Stratifikatsiia po zhiznennym shansom massovykh sloev sovremennogo rossiiskogo obshchestva [Stratification by life chances of mass strata in modern Russian society]. *Sociological Studies*, no. 6 (410), pp. 53–65. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518060053>

Toschenko, Zh. T. (2020) Prekarnaia zaniatost' — fenomen sovremennoi ekonomiki [Precarious employment is a phenomenon of the modern economy]. *Sociological Studies*, no. 8, pp. 3–13. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250009904-7>

Chernyshev, K. A., Mitiagina, E. V., Chernysheva, N. V. and Petrov, E. Yu. (2023) Masshtaby i napravleniia obrazovatel'noi migratsii tuvinskoi molodezhi [Incidence and directions of educational migration of Tuvan youth]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 70–83. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5>

Allen, K. R. and Henderson, A. C. (2016) *Family theories: Foundations and applications*. Hoboken, NJ, John Wiley & Sons. 272 p.

Beck, U. (2009) *World at risk*. Cambridge, UK ; Malden, MA, Polity Press. viii, 269 p.

Bengtson, V. L. and Allen, K. R. (1993) The life course perspective applied to families over time. In: *Sourcebook of family theories and methods: A contextual approach* / ed. by P. G. Boss, W. J. Doherty, R. LaRossa, W. R. Schumm and S. K. Steinmetz. New York, Springer. xxvi, 748 p. Pp. 469–498.

Berk, R. A. (1980) The new home economics: An agenda for sociological research. In: *Women and household labor* / ed. by S. F. Berk. Beverly Hills, CA, Sage. 295 p. Pp. 113–148.

Coleman, J. S. (1986) Social theory, social research, and a theory of action. *American Journal of Sociology*, vol. 91, no. 6, pp. 1309–1335.

Elder, G. H. Jr. and Caspi, A. (1990) Studying lives in a changing society: Sociological and personological explorations. In: *Studying persons and lives* / ed. by A. I. Rabin, R. A. Zucker, R. A. Emmons, S. Frank. New York, Springer Publishing Co. xv, 349 p. Pp. 201–247.

Giddens, A. (1973) *The class structure of the advanced societies*. London, Hutchinson. 336 p.

Hareven, T. K. (1991) The history of the family and the complexity of social change. *The American Historical Review*, vol. 96, no. 1, pp. 95–124. DOI: <https://doi.org/10.2307/2164019>

Moen, P. and Wethington, E. (1992) The concept of family adaptive strategies. *Annual Review of Sociology*, vol. 18, no. 1, pp. 233–251. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.so.18.080192.001313>

Narotzky, S. and Besnier, N. (2014) Crisis, value, and hope: Rethinking the economy: An introduction to supplement 9. *Current Anthropology*, vol. 55, no. S9, pp. S4–S16. DOI: <https://doi.org/10.1086/676327>

Popova, D. and Pishniak, A. (2017) Measuring individual material well-being using multidimensional indices: An application using the gender and generation survey for Russia. *Social Indicators Research*, vol. 130, no. 3, pp. 883–910. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-016-1231-7>

Saraceno, C. (1989) The concept of family strategy and its application to the family-work complex: Some theoretical and methodological problems. *Marriage & Family Review*, vol. 14, no. 1–2, pp. 2–18. DOI: https://doi.org/10.1300/J002v14n01_01

Scott, J. (2002) Social class and stratification in late modernity. *Acta Sociologica*, vol. 45, no. 1, pp. 23–35.

Sen, A. (1992) *Inequality reexamined*. New York, Russell Sage Foundation. xiv, 207 p.

Weber, M. (1978a) *Economy and society: An outline of interpretive sociology* : in 2 vols. / ed. by G. Roth and C. Wittich. Berkeley, University of California Press. Vol. 1. cx, 640 p.

Weber, M. (1978b) *Economy and society: An outline of interpretive sociology* : in 2 vols. / ed. by G. Roth and C. Wittich. Berkeley, University of California Press. Vol. 2. xxxii, 641–1469, lxiv p.

Submission date: 30.08.2023.

Acceptance date: 13.09.2023.